

Зарубин Валерий Григорьевич**Zarubin Valery Grigoryevich**

доктор социологических наук,
профессор кафедры социального управления
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена

D.Phil. in Social Science,
Professor, Social Management Department,
Herzen State Pedagogical University of Russia

ГРАНИЦЫ УПРАВЛЯЕМОСТИ В СИТУАЦИИ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

LIMITS OF CONTROLLABILITY IN A SITUATION OF TURBULENCE: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация:

В статье раскрываются основные тенденции развития современного общества в ситуации динамичных изменений. Особое внимание уделяется выявлению различий между управлением и управляемостью. Управление – формализованная сторона коллективной деятельности, имеющая созидательный, целенаправленный характер. Управляемость – качественная характеристика управленческой деятельности. Управляемость открывает возможности для определения степени готовности субъекта управления достичь поставленных целей и установления уровня взаимодействия субъектов управления друг с другом. Управляемость оказывается органической частью процесса создания и составной частью механизма, удерживающего динамический процесс управления в определенных границах. Выявлены особенности социальной турбулентности, влияющие на контур границ управляемости. К ним относятся: эффект бабочки, сила слабых связей, эффект черного лебедя и наличие «призрачного» субъекта управления. На теоретическом уровне эвристический потенциал определения границ управляемости позволяет выявить различия между неопределенностью и устойчивостью, непредсказуемостью и прогнозируемостью. С практической точки зрения определение границ способствует разработке измерителей управляемости на уровне личностных компетенций, профессиональной и социальной мобильности.

Ключевые слова:

социология управления, социальное взаимодействие, управление, управляемость, турбулентность, границы управляемости.

Summary:

The paper reveals the main trends in modern society development in a situation of dynamic changes. Special attention is paid to the identification of differences between management and controllability. Management is a formalized aspect of the collaboration which has a creative, purposeful character. Controllability is a qualitative characteristic of management. Controllability makes it possible to determine the readiness of the management entity to achieve its goals and the level of interaction of management entities with each other. Controllability turns out to be an integral part of the creation and a component of the mechanism that imposes limits on the dynamic management process. The paper highlights the aspects of social turbulence affecting the limits of controllability. They include the butterfly effect, the strength of weak ties, the black swan effect, and the hidden management entity. From the theoretical perspective, the heuristic potential for determining the limits of controllability allows one to identify differences between uncertainty and stability, unpredictability and predictability. In practical terms, the identification of limits contributes to the development of controllability meters at the level of personal competence, occupational and social mobility.

Keywords:

sociology of management, social interaction, management, controllability, turbulence, limits of controllability.

К предметным областям проблемного поля социологии управления относятся: исследование социальных механизмов управления и самоуправления различных социальных общностей, изучение системы и процессов управления в сфере социальных отношений, программирование отношений между людьми при помощи правил и требований, взаимодействие социальных групп в ходе принятия управленческих решений [1].

К числу актуальных проблем социологии относится исследование управляемости.

В работах А.И. Пригожина управляемость понимается как качественная характеристика взаимодействия между управляющей и управляемой подсистемами [2, с. 144]. Управляемость означает, с одной стороны, ту степень контроля, который управляющая подсистема осуществляет по отношению к управляемой, с другой – ту степень автономии, которую управляемая подсистема сохраняет по отношению к управляющей.

По мнению А.В. Тихонова, «управляемость – это степень влияния отношений или связей управления на социальные взаимодействия людей в процессе их совместной деятельности; она может быть высокой, средней или низкой» [3, с. 301]. Это открывает возможность определить соотношение между контролем и автономией в сфере управления.

В понимании С.А. Гашкова, М.А. Рубцовой и их соавторов управляемость оказывается не только инструментом эгалитарного способа управления и планирования, но и характеристикой особого этоса отношений, ориентированных на отказ от доминантной модели управления [4].

На наш взгляд, следует обратить внимание на различие между двумя феноменами – управлением и управляемостью. Если управление оказывается формализованной стороной коллективной деятельности, имеющей созидательный, целенаправленный характер, то управляемость представляется качественной характеристикой этой деятельности. Управляемость открывает возможности для определения степени готовности субъекта управления достичь поставленных целей и установления уровня взаимодействия субъектов управления друг с другом.

Каковы особенности ситуации динамических изменений развития, влияющие на управляемость?

Резко возросло количество коллективных и индивидуальных акторов, представляющих разнообразные локальные ценностные конструкты, которые в отличие от социальных субъектов недавнего прошлого, чьи действия обусловлены жесткими рамками социальной структуры, способны к саморефлексии и активному преобразованию социальных реалий [5]. Саморефлексия способствует формированию разнообразия жизненных стратегий, что привело к многовекторности и нелинейности развития.

Возникло противоречие между представлениями о естественном социальном порядке и о гибриде неправовой легитимной войны [6, с. 240–245]. Если первое ориентируется на сохранение традиций, правовое регулирование и достижение мира, то второе базируется на стратегии провокаций с применением угроз и силы.

Произошло переосмысление природы социального. Считается, что социолога-профессионала интересует только то, что существует внутри социального мира, а именно социальные взаимодействия. Мейнстрим современной социологии состоит в том, что она стремится выйти за пределы социального конструктивизма. В понимании Б. Латура на смену привычному пониманию сообщества приходит осознание существования двухпалатного коллектива, который включает множество людей (их мнения, желания, интересы и ценности), множество вещей и сообществ, существующих в живой природе (например, микробы), а также ученых, которые выполняют экспертную и посредническую миссию между этими множествами [7, с. 81–89]. Новое понимание социальности объясняет появление тенденции к усложнению современности.

Особенности, свойственные ситуации динамических изменений, порождают эффект социальной турбулентности.

Поиск соотношения между управляемостью и неуправляемостью позволяет отойти от устоявшихся характеристик социальной турбулентности как негативного явления. Например, З. Бауман находит меткое выражение – «текущая современность» [8], О.Н. Яницкий обращает внимание на всепроникающий риск деградации и разрушения мировой экономической и политической системы [9, с. 158]. В свою очередь, С.А. Кравченко считает турбулентность «нормальной аномией», которая является продуктом «стрелы времени» и проявляется в виде особых нелинейных явлений, инициирующих разрывы и травмы нынешнего бытия [10, с. 7].

Соотношение между управляемостью и неуправляемостью выявляет наличие в социальной турбулентности не только негативного, но и позитивного потенциала. В современных условиях отсутствует прямая связь между управляемостью и подчинением, а акцент смещается на то, что неуправляемость – это не только неподчинение и неподконтрольность, но и нечто созидательное, например автономность и самоорганизация. Неуправляемый объект в отличие от неподчиняющегося способен к самоорганизации, автономии и творчеству.

Каковы очертания границ управляемости в ситуации турбулентности?

Первая метка, обозначающая контур управляемости, вызвана эффектом бабочки. Данный эффект возникает в условиях возрастающей мобильности и хаотичности современного мира. Локальные события, несущественные на первый взгляд, вызывают значимые, лавинообразные и непредсказуемые последствия в будущем. В этой ситуации управляемости свойственны следующие признаки:

- высокая чувствительность поведения системы к начальным условиям функционирования;
- крайняя непредсказуемость непрерывного, нелинейного и нерегулярного движения, возникающая в динамической системе;
- внешняя хаотичность процесса принятия решений, которые неслучайны, хотя и непредсказуемы.

В ходе принятия управленческих решений следует обратить особое внимание на соотношение между предсказанием и прогнозом. Если предсказание является сообщением о некотором событии, которое непременно произойдет в будущем, то прогноз – это научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта управления в будущем или об альтернативных путях и сроках достижения этих состояний [11, с. 115–126]. Предсказать будущее невозможно из-за множества ошибок в измерениях, порожденных незнанием всех факторов и условий, в которых функционирует динамическая система. Следовательно, управляемость не может опираться на предсказания, в то время как прогнозы, которые зависят от масштаба и временной протяженности, оказываются в ситуации турбулентности ориентирами движения.

Другая метка, характеризующая контур границы управляемости, образована силой слабых связей. Американский социолог М. Грановеттер считает, во взаимодействии между людьми проявляются как сильные, так и слабые связи [12]. Сильные связи возникают в результате родства и иерархической субординации, а слабые образуются между знакомыми, одноклассниками, сослуживцами и коллегами по работе. Разновидностью слабых связей являются очень слабые (отсутствующие) связи. Пример отсутствующих связей – множество сетевых сообществ, действующих во Всемирной паутине.

Социальные связи различаются по критерию частоты и длительности социальных контактов. Почему сильные связи уступают слабым в ситуации турбулентности? Если сильные связи, опирающиеся на традиции, привычки и правила, статичны, то слабые связи, не ограниченные тесными контактами, динамичны.

В ситуации слабых связей управляемости свойственны следующие признаки:

- полезность, приводящая к фильтрации информации в ходе межличностного общения между субъектами управления;
- инновационность, являющаяся источником поступления дополнительной информации из расширенного круга источников;
- диссеминация, превращающая субъектов управления не только в потребителей информации, но и в ее создателей.

Следующая метка определяется присутствием «черных лебедей» [13, с. 115–126]. Н. Таaleb применил столь яркую метафору для обозначения события, ускользающего из поля зрения управленца-профессионала. Это событие обладает рядом характеристик. Прежде всего, оно аномально, казалось бы, ничто в прошлом его не предвещало. Кроме того, оно таит в себе потенциал огромной силы. Наконец, наш опыт заставляет нас выдвигать объяснения случившемуся уже после того, как событие произошло, превращая его сначала в неожиданный сюрприз, а затем, при помощи объяснений, в тривиальное и предсказуемое действие. К таким событиям можно отнести техногенные катастрофы, мировые экономические кризисы, изменения на рынке труда.

Управляемости, которая осуществляется с учетом возможности возникновения аномальных событий, обладающих огромной силой, свойственны следующие признаки:

- готовность к любым случайностям, без переоценки точности и конкретики, поскольку события в жизни общества, бизнесе и науке чаще всего случаются неожиданно;
- изживание склонности к преуменьшению рисков и чрезмерная вера экспертам, которые переоценивают свои способности в прогнозировании;
- избегание поиска причин произошедших событий, так как они являются частью внутренней системы мышления, в то время как действительных причин может быть множество и они могут быть нам неизвестны.

Наконец, четвертая метка, характеризующая контур границы управляемости, связана с тем, что в данной сфере действуют не только явные, но и «призрачные» субъекты управления [14]. В отличие от явных субъектов управления, которые действуют открыто, вторые шифруют свое реальное и символическое участие в управленческом процессе. Участники рынка, ведущие недобросовестную конкурентную борьбу, ньюсмейкеры, манипулирующие общественным сознанием, составляют когорту «призрачных» субъектов управления.

Управляемость должна учитывать угрозы, которые исходят от «призрачных» субъектов управления. К основным угрозам в ситуации динамической неопределенности относятся следующие:

- сопротивление в отношении «дешифровки», идентификации, маркирования скрытых действий;
- стремление к объединению в «призрачные» сети, представляющие собой конгломераты, способные контролировать ресурсы реальных субъектов управления;
- владение набором манипулятивных технологий, посредством которых осуществляется контроль за действиями реальных субъектов управления.

Таким образом, на теоретическом уровне эвристический потенциал определения границ управляемости позволяет выявить различия между неопределенностью и устойчивостью, непредсказуемостью и прогнозируемостью. Управляемость оказывается, с одной стороны, органической частью процесса созидания, с другой – составной частью механизма, удерживающего динамический процесс управления в определенных границах.

С практической точки зрения определение границ способствует разработке измерителей управляемости на уровне личностных компетенций, профессиональной и социальной мобильности. Данное утверждение служит отличительным признаком между менеджментом и социологией управления. Если исследователь в области менеджмента ищет причины управляемости в организационном развитии, то социолог пытается понять строение социальных отношений.

Ссылки:

1. Зарубин В.Г., Семенова А.А. Социология управления: конструирование предметного поля науки // Научное мнение. Экономические, юридические и социологические науки. 2017. № 1. С. 8–13.
2. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995. 296 с.
3. Тихонов А.В. Социология управления. Теоретические основы. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2007. 472 с.
4. Social Engineering through the Optics of Passivity/Activity Opposition: A Literary Review / S. Gashkov, M. Rubtcova, I. Khmyrova-Pruel, T. Malinina, T. Sanzhimitupova // International Journal of Applied Engineering Research. 2016. Vol. 11, iss. 5. P. 3134–3140.
5. Гидденс Э. Рефлексивность современности // Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 153–164.
6. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. 464 с.
7. Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию. М., 2018. 336 с.
8. Bauman Z. Postmodern Ethics. Malden ; Oxford, UK ; Carlton, Victoria, 1993. 118 p.
9. Яницкий О.Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155–164.
10. Кравченко С.А. Усложняющиеся метаморфозы – продукт «стрелы времени» и фактор социоприродных турбулентностей // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 3–11. <https://doi.org/10.31857/s013216250001952-0>.
11. Урри Дж. Как выглядит будущее? М., 2018. 320 с.
12. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
13. Талеб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2015. 736 с.
14. Денисов А.А. «Призрачные» субъекты в управлении современным военным и политическим конфликтом // Государственная служба. 2010. № 2 (64). С. 67–70.

References:

- Bauman, Z 1993, *Postmodern Ethics*, Malden, Oxford, Carlton, Victoria, 118 p.
- Beck, U 2007, *Power and Its Opponents in the Era of Globalism. New World Political Economy*, Moscow, 464 p., (in Russian).
- Denisov, AA 2010, "Ghost" Subjects in the Management of Modern Military and Political Conflict', *Gosudarstvennaya sluzhba*, no. 2 (64), pp. 67-70, (in Russian).
- Gashkov, S, Rubtcova, M, Khmyrova-Pruel, I, Malinina, T & Sanzhimitupova, T 2016, 'Social Engineering through the Optics of Passivity/Activity Opposition: A Literary Review', *International Journal of Applied Engineering Research*, vol. 11, iss. 5, pp. 3134-3140.
- Giddens, A 2011, 'The Reflexivity of Modernity', in *Consequences of Modernity*, Moscow, pp. 153-164, (in Russian).
- Granovetter, M 2009, 'Strength of Weak Ties', *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no. 4, pp. 31-50, (in Russian).
- Kravchenko, SA 2018, 'Complicated Metamorphosis as a Product of the "Arrow of Time" and a Factor of Socio-Natural Turbulences', *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 9, pp. 3-11, <https://doi.org/10.31857/s013216250001952-0>, (in Russian).
- Latour, B 2018, *Policies of Nature: How to Instill Democracy in the Sciences*, Moscow, 336 p., (in Russian).
- Prigozhin, AI 1995, *Modern Sociology of Organizations*, Moscow, 296 p., (in Russian).
- Taleb, N 2015, *The Black Swan. Under the Sign of Unpredictability*, Moscow, 736 p., (in Russian).
- Tikhonov, AV 2007, *Sociology of Management. Theoretical Basis*, 2nd ed., Moscow, 472 p., (in Russian).
- Urry, J 2018, *What Does the Future Look Like?*, Moscow, 320 p., (in Russian).
- Yanitsky, ON 2011, "Turbulent Times" as a Problem of the Risk Society', *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 155-164, (in Russian).
- Zarubin, VG & Semenova, AA 2017, 'Management Sociology: Designing the Subject Field of Science', *Nauchnoye mneniye. Ekonomicheskkiye, yuridicheskkiye i sotsiologicheskkiye nauki*, no. 1, pp. 8-13, (in Russian).